

П.М. Кожин

ИДВ РАН

**Совершенствование экономики как стимул
территориального роста древних государств
(на примере древнего Китая)**

Все гуманитарные науки и исследования сосредоточены на единой общей цели – всестороннем изучении человека в быту, обществе, природном окружении. В этой проблематике особое место отводится проблемам духовной жизни человека, уменьшению воздействия на него биологических инстинктов, постепенному расширению возможностей рационального самобытного мышления, развивающегося в сообществах ближайших предков человека по мере освоения ими осмысленных трудовых процессов. Труд позволяет человеку занять особое место в природном биологическом мире, а развивающееся мышление обеспечивает особые возможности в борьбе за видовое выживание в условиях, которые для любого ограниченного инстинктами вида, стали бы убийственными. Всеядность облегчала человеку поиски источников пищи в дикой природе, а мышление указывало направления её поисков, помогало совершенствовать способы её добычи, что становилось особенно важным при смене видового состава фауны на разных этапах существования гоминид, а затем и предков людей современного вида. Резкое похолодание, связанное с наступлением ледниковых эпох, вынудило человека сознательно выискивать средства для защиты от холода. Ими стали огонь, одежда, жилища. Они обеспечивали людям и защиту от могучих хищников. От них же защищали и искусственные орудия из рога, кости, камня. Удлиняющийся период взросления и необходимого воспитания подрастающего поколения, а тем самым увеличение риска потери потомства, к счастью, сопровождался расширенными (по сравнению со многими животными видами) возможностями воспроизводства. В благоприятные периоды существования человеческих сообществ, такое воспроизводство могло бы становиться, поистине, стихийным бедствием, но люди очень рано (в отдалённую палеолитическую эру) научились регулировать объёмы контингента потомства (изучение этой проблематики по этнографическим данным начал в 1804 г. Т.Р. Мальтус, в очередном издании труда о проблемах народонаселения).

© Кожин П.М., 2012

Развитие мышления сопровождалось и ростом объёма памяти, причём сразу в двух видах: индивидуальной и коллективной. Коллективная память аккумулировала позитивный опыт, приобретённый людьми во всех видах их трудовой деятельности и жизненных коллизий. Распространяясь на сменяющиеся друг друга ряды поколений, такая память структурировалась в традиции. Всё это, наряду с эволюцией организации кровнородственных и соседских коллективов, вывело человечество на сравнительно прямой путь развития хозяйственно-экономической и социальной жизни, постепенно охватившей все доступные для проживания людей континенты и регионы земли.

Даже отказавшись от ортодоксальной самоуверенности в оценке всей социально-экономической и политической истории человечества как пяти «обязательно» сменяющихся друг друга формаций, нельзя не согласиться, что в этой периодизации отразились (там, где реально удаётся это проследить) основные тенденции истории прогресса. Китай не является в этом отношении каким-то исключением. Конечно, определённый элемент уникальной специфичности (см. [4, с. 22–34]) вносит и то, что история Китая, начавшись в документальной форме почти три с половиной тысячелетия тому назад, в виде непрерывной историографической традиции, не сменив даже способ письменной фиксации (иероглифика) исторических, политических, социально-экономических, этнокультурных фактов, непосредственно входит в нашу современность, повествуя о ней практически прежним письменным языком.

Итак, прослеживая основные ранние этапы развития человечества, в которых непосредственно отразилось и доисторическое развитие Китая, следует особо выделить некоторые моменты:

- 1) формирование вида *Homo sapiens*;
- 2) начало речевого общения и формирование устойчивой аналитико-синтетической памяти [7, с. 29–40]. Её закрепление в рамках человеческих сообществ (коллективная память) кладёт начало формированию традиций.
- 3) утверждение традиций, охват ими всех сфер жизнедеятельности коллектива, где они замещают действие биологических инстинктов и того невнятного биолого-психологического фактора, вошедшего в гуманитарные науки на рубеже XIX и XX веков под наименованием «коллективного бессознательного», «пралогического мышления» и т.п. [6; 9; 13; 14], будто бы утвердившего в древнейших человеческих сообществах длительный век «фольклорно-мифологического» полусознательного состояния, вооружает человека огромным объёмом позитивных эмпирических знаний. Традиции, связанные с разными сторонами жизни человеческих поколений, помогают структурировать эти знания в пределах соответствующих сфер жизнедеятельности человека. Создание поэтического языка (ритмика, счёт, мелодия, речевые акценты, простейшая терминология прочно утверждаются уже в палеолите, тогда же появляется танец, ударные, духовые, а, возможно, и струнные музыкальные инструменты) облегчает запоминание вновь обрётённой мудрости, её передачу грядущим поколениям.
- 4) холистический синтез, объединяющий представления об окружающей природной обстановке с внутренним духовным миром коллектива,

расширяет кругозор человека, углубляет его творческие способности, формирует архетипические и прогностические установки, способствующие развитию духовной культуры и становлению новых хозяйственных и технических производственных отраслей.

5) один из важнейших рубежей в периодизации общественного и хозяйственного развития остаётся поныне хронологически неопределённым. Это время когда человеческие коллективы выходят из границ биологических родственных отношений и начинают вступать в постоянные устойчивые контакты с соседскими группами, руководствуясь при этом лишь надёжными возможностями языкового взаимопонимания, степень которого соответствовала потребностям воспроизводства, воспитания подрастающих поколений, защиты от внешних опасностей и ведения коллективного хозяйства. Такой набор необходимых условий для совместной жизнедеятельности мог воплощаться в социальной действительности в форме родовых (родо-племенных) коллективов, чей численный рост и качество населения укреплялись благодаря адаптированности людских групп к соответствующей природно-климатической среде и стремлению расширяющихся этнических образований к языковой, общественной и хозяйственной гомогенности [1, с. 149–173, 201–209].

6) оставляя в стороне проблемы этно-социального и семейно-родственного планов (их обоснование до сих пор находится в прямой зависимости от этнологических реконструкций, выполняемых на материалах этнографических наблюдений над социальными и семейно-правовыми установлениями маргинальных и «примитивных племён» разных регионов мира), можно констатировать, что пока единственный ясно фиксируемый хронологический рубеж увязывается с первыми шагами становления «искусственной экологии человека», т.е. началом «производящей экономики» – возникновением земледелия и скотоводства. Условно, их появление относят к неолитической эпохе, к археологическому периоду, одновременно определившие в разных регионах Земли в начальных фазах послеледниковой эпохи. Для различных степных и лесостепных (горных, пустынных, плоскогорных) регионов Евразии, где «производящее хозяйство» быстро становится необратимо устойчивым и превращается в мощную хозяйственно-экономическую базу, создающую весь комплекс проявлений хозяйственно-экономического и социального прогресса, порождающего региональные цивилизации человечества, а затем, и всемирную цивилизацию, – неолитическая эпоха в абсолютных хронологических измерениях проявлялась условно между IX и IV тыс. до н.э. Условность астрономических датировок вызвана использованием очень разнообразного научно-технического инструментария, созданного различными отраслями «точных наук», чьи методы и исследовательские приёмы пока не получили чёткого согласования с методиками и методологией гуманитарных наук (особенно археологией и палеокультурологией).

7) «Искусственный образ жизни», вызванный «неолитической революцией», наряду с мощным демографическим ростом коллективов и популяции земли в целом, способствовал огромному прогрессу хозяйственной деятельности, становлению и развитию технических «непроизводительных»

промышленных отраслей (т.е. отраслей обеспечивающих «комфортность» нового образа жизни, но не связанных непосредственно с увеличением пищевых ресурсов). Рост технических хозяйственных отраслей особенно активизируется, когда к традиционным уже домашним и общественным видам производства: обработке камня, дерева, кости, рога, кожи, сухожилий, различных видов растительности (плетение, ткачество, шерстобитное ремесло и т.п.), – присоединяются обработка глины (керамическое производство) и металлов, т.е. «искусственных» материалов, получаемых посредством нагревания сырья.

С началом обработки металлов – этих пластичных и плавящихся «каменной» – в материальной культуре интенсифицируются две ведущих тенденции. Это укрупнение и усложнение структуры технических производств, сопровождающееся ростом числа отраслей общественного производства (здесь всегда существовало некое внутреннее противоречие: даже при непосредственном единоличном *de jure* управлении всей хозяйственной и общественной жизнью в империях, королевствах и т.п., фактическое руководство «промышленностью» и её работниками, оказывалось в руках могущественных бюрократических группировок). Другая тенденция связана с поиском редких сырьевых запасов и новых источников энергии. Первоначально основное направление для повышения энергетической мощи производственного объединения было связано с рационализацией труда, с вовлечением в работу, требующую особо значительных физических усилий, возможно большего числа обученных участников, способных согласовывать свои коллективные действия. Далее человек начинает использовать энергетическую мощь животных, воды, ветра, огня. Правда китайская цивилизация далеко не так решительно была занята поисками новых видов энергии в связи с очень большим уже с древности постоянным увеличением объёма популяции от поколения к поколению. Даже междинастийные «хаотические» циклы, во время которых население могло количественно сокращаться на порядки, не вызвали столь острых, как в европейских и некоторых западно-азиатских странах подъёмов технической оснащённости. Вероятней всего здесь играло роль то, что человеческий потенциал в условиях всех существовавших в Древнем Китае социальных режимов, никогда не оставался бесконтрольным. Власти на любом уровне постоянно поддерживали среди населения такие качества, как сноровка, умение преодолевать трудности, стремление к организованности. В силу этих обстоятельств технические отрасли производства, связанные с использованием различных видов механической энергии, находились в сравнительно слабо развитом и даже угнетённом состоянии. Все крупные общественные работы исполнялись согласованными усилиями больших масс населения. Собственно этот момент способствовал усилению центростремительных тенденций, ибо такие стройки, как Великая китайская стена, крупные ирригационные сооружения, каналы требовали огромных человеческих усилий. Фактически, в условиях Китая в целом ряде периодов согласованный ручной коллективный труд соответствовал тем формам объединений, которые на Западе были связаны с организацией армий и ведением военных действий.

Конечно, представление о ранних этапах истории Китая по историческим книгам несколько превратно. Приходится считаться с воздействием на бытовое сознание «мифологических традиций», повлиявших на нарративные литературные, исторические и прочие труды, которые, по всей видимости, начинают регулярно составляться лишь с VI в. до н.э., не считая, вероятно, более ранних записей *Шицзина* и *Шуцзина*. «Бронзовая эпиграфика», фиксирующая указы и предписания ранних чжоуских правителей (ср.: [11]), не даёт оснований для утверждения, что власть чжоуских *ванов* могла распространяться далеко за пределы среднего течения Хуанхэ и прилегающих с севера и юга областей (ср.: [16, карты на с. 38, 40, 41, 88 и др.]). Даже приблизительное картирование находок сходной ремесленной продукции, относящихся к периодам до VI в. до н.э., показывает, что южные области и внутренние районы страны, такие как Сычуань, были практически независимы от северных центров. Относительно небольшую первоначальную территорию чжоуского царства обозначает сборник местных напевов *Гофэн* в *Шицзине*. Характерно, что ещё в раннеханьскую эпоху большинство южных областей остаются маргинальными, в силу чего власти старательно распространяют там ранее неизвестные населению «общекитайские» законодательные установления [10, с. 5, 7 и далее]. Автор затрудняется в выборе общего наименования для вновь обнаруженных текстов. Лучше попросту назвать их *аутентичными*. Даже принимая во внимание их принадлежность к погребальной ритуалистике, они полностью вписываются в событийные ряды своего времени и в них соблюдены все этикетные, традиционные, этнокультурные и прочие правила современной им документалистики.

В целом территориальное членение северных царств, первоначальных провинций чжоуского времени, совпадает с географическим рельефом, что отражено и в самих названиях этих провинций, сохранных поныне – Шаньдун, Шаньси, Хэбэй, Хэнань и т.д. Но географические различия не привели к стойкой центробежной тенденции в силу того, что огромная масса населения очень хорошо была адаптирована к местным условиям, и народ прекрасно осознавал качественные различия видов сырья из разных местностей. Поэтому лучшее сырьё очень быстро получало приоритетное значение по сравнению с низкокачественным, и экспансия лучшей продукции на возможно большие территории становилась одним из центростремительных моментов развития. Количество этих моментов можно множить при изучении любых ремесленно-промышленных отраслей. Однако наибольшее значение для объединительных тенденций имела, конечно, металлообрабатывающая промышленность бронзового века, ибо источники железного сырья значительно более многочисленны и более равномерно распределяются по поверхности суши. Бронза же, так же как олово и другие металлы, имеет достаточно узкие и сравнительно редкие места выходов, стремление к доминированию над которыми вело и к захвату определённых территорий и к усилению центростремительных тенденций. Центростремительные тенденции ярко проявлялись в эпохи Чуныцю и Чжаньго. Так при раскопках могильника бронзового века в Цяньчжанда [18, с. 18, 19, рис 5.2, 6.2, 7.2; 17, pp. 121–127] были обнаружены бронзовые сосуды по форме и

орнаментации полностью идентичные находкам в могильнике Байцаопо в провинции Ганьсу. Столь же близки по облику найденные в этих же могильниках предметы колесничного снаряжения. Это так называемые «модели ярма» [5, с. 10] и бронзовые наосники. Последние особенно интересны – их оформление указывает на то, что находки из Байцаопо должны датироваться периодом на несколько десятилетий более ранним, чем их аналоги в Цяньчжанда. Типологическая датировка наосников – т.е. трубчатых наверхий, одевавшихся на концы оси и закреплявшихся там с помощью поперечной металлической же чеки, благодаря многочисленным находкам распределяется по трём большим периодам инь-чжоуского времени. Иньские находки имеют вид почти идеальных цилиндров: они лишь едва заметно сужаются к внешнему краю. Чжоуские наосники отличаются тем, что более узкий внешний конец их трубки обретает фигурно-гранчатые очертания. У более ранних образцов на гранях исполнены барельефом рогастые бычьи головы *en face* (они есть на находках из Ганьсу, но отсутствуют на шаньдунских, что и указывает на разницу в возрасте находок, явно являющихся продукцией одной государственной мастерской [15, Taf. 14.5, 17, 1.3]). Третья разновидность наосников преобладает в чжаньгоских памятниках – они короткие, массивные, шайбообразные.

Общие принципы государственного устройства инь-чжоуского времени на указанной территории бассейна Хуанхэ, а, следовательно, и имевшей здесь общности не только материальной но и духовной культуры, подчёркиваются неоднократными находками в могилах *гунов* и *хоу*, относящихся к чуньцю-чжаньгоскому времени, музыкальных инструментов «государственных» оркестров данных владений. Это подчёркивает устойчивую структуру административно-бюрократической иерархии в Восточном Чжоу. Наиболее яркой находкой инструментов такого «государственного» оркестра, где сохранился не только их полный набор, но и партитуры для большинства инструментов и тексты песен, кажется, не входивших в состав *Гофэна*, являются материалы из могилы *хоу* И, владетеля Цзэн (Лэйгудун, могила 1). Существует мнение, что владение Цзэн в исторических памятниках именовалось Суй и существовало до начала Чжаньго (V век до н.э.). Возможно, невнятная ситуация с этим княжеством в провинции Хубэй объясняется тем, что оно находилось в зоне влияния царства Чу, т.е. не входило в сферу прямой юрисдикции чжоуского вана. При том, что инструменты местного оркестра здесь были стандартные чжоуские, многие ремесленные изделия из обеих могил в Лэйгудуне, Суйсянь, явно были выполнены в мастерских царства Чу или его вассалов. Это подтверждает, очевидно, равноправное существование двух политических центров уже в эпоху Чуньцю и политическую неопределённость в отношении юрисдикции чжоуских и чуских ванов на землях Хубэя и других южных владений. Однако более северные земли определённно тяготели к государственным мастерским чжоуского домена, количество которых неизменно возрастало в течение всего I-го тыс. до н.э.

Характерно, что и в середине XX в. в Китае сохранялись традиции ремесла определённых областей, которые, в конце концов, становились

общепризнанными для большей части территории страны (ср. данные о размещении по стране лучших видов ремесленных изделий, рассыпанные по разным главам романа *Цзинь, Пин, Мэй* в переводе В.С. Манухина и др., изданного А.И. Кобзевым в Иркутске, т. 1–3, и Москве, т. 4 и 5, в 1994 и 2010 гг. соответственно). Приводя эти примеры, я прежде всего имел в виду, что китайское промышленное организованное коллективное производство постоянно в течение веков и тысячелетий способствовало единению населения на огромных пространствах земледельческой страны.

Литература

1. Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.
2. Кожин П.М. Происхождение языка в свете исследований профессора В.В. Бунака // Васильев С.В., Зубов А.А., Герасимова М.М. и др. Доисторический человек. Биологические и социальные аспекты. М., 2006. С. 7–23.
3. Деревянко А.П. Палеолит Китая: итоги и некоторые проблемы в изучении. Новосибирск, 2006.
4. Илюшечкин В.П. Методологические проблемы истории производительных сил (применительно к древнему и средневековому Китаю) // IX НК ОГК. М., 1978. Ч. 1. С. 22–39.
5. Кожин П.М. Иньские и чжоуские колесницы как палеокультурологическая проблема // XXXV НК ОГК. М., 2005. С. 5–15.
6. Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке // Палеокультурология и колёсный транспорт. Владивосток, 2007.
7. Кожин П.М. Расселения, переселения, миграции в культурологическом освещении // *Orientalia et Classica*. Вып. 11. Аспекты компаративистики. Ч. 2. М., 2007. С. 29–40.
8. Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана. М., 2011.
9. Кожин П.М. Начальные этапы формирования родственных и социальных коллективов в свете представлений проф. В.В. Бунака об эволюции человека и его сознания (на путях решения загадок Пигмалиона) // Вестник антропологии. М., 2012 (в печати).
10. Корольков М.В. Земельное законодательство и контроль государства над землёй в эпоху Чжаньго и в начале раннеимперской эпохи (по данным вновь обнаруженных законодательных текстов). Автореферат канд. дисс. М., 2010.
11. Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., 2000.
12. Кучера С.И. Древнейшая и древняя история Китая. М., 1996.
13. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
14. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
15. Dewall, M. von. Pferd und Wagen im fruehen China. Bonn, 1964.
16. Li Liu, Xing Chen. State Formation in Early China. L., 2003.
17. Shang-Zhou Cemetery at Qianzhangda in Tengzhou City, Shandong, in 1998 // *Chinese Archaeology*. Vol. 1. Beijing, 2001. Pp. 121–127.
18. Шаньдун Тэнчжоуши Цяньчжанда Шан Чжоу муди 1998 нянь фачжань цзяньбао (Краткий отчёт об исследовании шанско-чжоуского могильника, в г. Тэнчжоу на поселении Цяньчжанда, пров. Шаньдун) // *Kaogu*, 2000. № 7. С. 13–28.